

О любви и смерти (сборник)

Автор:

Макс Фрай

О любви и смерти (сборник)

Макс Фрай

О любви и смерти людям неизвестно почти ничего. Даже точного определения любви не существует, каждый понимает это слово по-своему. А точное определение смерти, конечно же, существует, но кому от этого легче, если мы всё равно понятия не имеем, что будет потом. Только гипотезы, которые можно принимать на веру. А можно не принимать.

Поэтому говорить о любви и смерти совершенно бессмысленно – как можно говорить о том, чего не знаешь?

Но говорить о чём-то, кроме любви и смерти, бессмысленно вдвойне. Потому что любовь и смерть – самое важное, что случается с человеком на этой земле.

Макс Фрай

О любви и смерти (сборник)

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Кот Елены

Елена (говорит, мечтательно улыбаясь):

– Кот, котище, котенок серый мой, сладкий, иди скорее сюда, я тебе все расскажу, потому что с людьми подобное не обсуждают, а если стану молчать, порвусь, как рвется мешок из тонкого полотна, до краев наполненный золотом. Котик, мудрец мой лукавый, слушай: приснилась мне нынче сама Афродита, богиня цветущая, в венке из нарциссов и роз, она была весела, грызла яблоко, и мне дала откусить – слаще не ела плодов. Сестрой называла, сулила такую любовь, ради которой любая богиня согласится спуститься на землю с Олимпа, да их сюда не зовут, вернее, зовут не за тем. И сердце – слышишь, пушистый? – сердце мне говорит, это был вещий сон. Посмотрим теперь, что выйдет.

Кот (думает):

Какие все дураки! Тоже мне радость – сон ей приснился. Знаю я цену снам. Сам не ленюсь каждую ночь сниться птице, которую завтра поймаю. Лящусь к ней и сулю, что это только начало нашей прекрасной дружбы. Все это для того, чтобы увидев меня наяву, глупая птица замешкалась, силясь вспомнить, где мы встречались прежде, вопрошая себя, почему ей так мил мой облик, заранее радуясь смерти, которую обретет, оказавшись в моих когтях. А ты говоришь – богиня. Знаю я ваших богинь, не могут толком умыться и не мурлычат даже когда исполнены нежности, а все же умны как кошки и тоже всегда на охоте, даже когда сыты. Вот и думай теперь, сладко ли живется тем, кого они заприметили и записали в любимцы; впрочем, ты все равно не поймешь, лучше мне промолчать.

* * *

Елена (говорит шепотом, взволнованно):

– Котик мой милый, послушай, на девяти кораблях прибыли гости. Их предводитель прекрасен как закат, пылающий перед прозревшим слепцом,

как первый глоток воды после жаркого дня, как сон выздоравливающего ребенка, как вечная юность, которую боги даруют своим любимцам. И если бы мне велели вот прямо сейчас выбирать между полной чашей нектара и его поцелуем, взяла бы прикосновение губ, не колеблясь, и не жалела бы никогда, даже став древней старухой, пешком бредущей в Аид с котомкой, полной прохуdivшихся воспоминаний.

Кот (думает):

Какие все дураки. Как человек может быть лучше воды или солнца? Не светится ночью и жажду не утолит, сколько с ним ни целуйся. Что проку от человека? Разве только еду принесет и погладит, но для этого есть Менелай, с ним нам славно живется, и ты была весела и сыта до сих пор. Зачем тебе этот другой? Что проку в его красоте? Да и где там та красота? Красивых людей, если начистоту, вообще не бывает. Просто некоторые из вас чуть менее уродливы, и это почему-то приводит остальных в экстаз. Взять, к примеру, тебя – все кричат: «Прекрасна, прекрасна», – а ведь будь ты кошкой, за тебя даже я не стал бы драться. И вовсе не потому, что не ценю твое расположение, просто повода не случилось бы, вряд ли еще какой-нибудь кот, находясь в мало-мальски здоровом уме, мог бы тебя возжелать.

* * *

Елена (говорит, не размыкая губ, чтобы никто не услышал ни слова):

– Котик мой серый, золотоглазый, ты спишь и не знаешь: мне страшно, как не было никогда, потому что Парис, любовь моей жизни, рядом с которым умру хоть сейчас, если он пожелает, просит меня с ним уехать, вернее, бежать – отсюда, из Спарты, из дома, в полную неизвестность, и я даже не знаю, чего боюсь больше – что соглашусь, обезумев, или что он передумает, скажет: «Ладно, не хочешь – не надо, поеду один».

Кот (думает, очень громко и выразительно, так что под конец Елене начинает казаться, будто она его явственно слышит):

Какие все дураки. Зачем куда-то бежать? Хочешь Париса – возьми его и наслались, пока мужа нет дома, и помешать он не может, драку затеяв. Я бы так поступил и тебе советую, да ты не слушаешь, я тебя знаю. Ладно, делай как хочешь, но если все же решишься уехать, меня с собой заberi. Менелай не любит меня, только терпит. Выгонит за порог, не станет кормить, если ты убежишь.

* * *

Елена (говорит, сонно потягиваясь):

– Кот мой, царь всех котов, друг мой верный, мой мудрый советчик, я была неразумна, когда убежала из дома с первым встречным красавцем, царским сыном, медведицей вскормленным пастухом, золотоглазым, как ты, ласковым, как вечернее море. Я была неразумна как тысяча дур, но знаешь что, кот? Ни один мой разумный поступок до этого дня не дарил столько счастья, сколько этот неосмотрительный глупый побег.

Кот (думает):

Какие все дураки. Вас послушать, так делать, что хочется – глупость. Что же тогда разумно? Покорно брести, куда тебя гонят, делать то, что велят? Впрочем, я зря столь серьезно отношусь к твоим словам, вечно упускаю из вида, что вы, люди, часто говорите то, что вовсе не считаете правдой, причем даже не с хитроумной целью ввести собеседника в заблуждение, а просто так, желая избавиться от избытка звуков, скопившихся у вас во рту.

* * *

Елена (говорит встревоженно):

– Слушай, котик, серый мой храбрый котище, я надеялась, что Менелай проклянет меня и забудет, положившись на волю богов, которые сами склоняют людей к вероломству и сами нас строго карают. Но не вышло, дружок мой кот, он-то, может, и проклял, но забыть не забыл и отправился в путь – не один,

а с братом и всеми царями, которых когда-то клятвой связал мой отец, с ними сто тысяч воинов, готовых сражаться, с кем скажут, не задавая вопросов, лишь бы меч обнажить. Больше тысячи греческих кораблей собрались у берегов Эвбеи, и пока мы с тобой тут сидим, наслаждаясь вечерним солнцем, больше тысячи бед приближаются к нам. Отменить их нельзя, разве только отсрочить. Да и то ненадолго.

Кот (думает):

Какие все дураки. Сто тысяч воинов, скажите пожалуйста! Зачем они тут нужны? Какое им дело, кого целует Елена, с кем она засыпает, кому говорит: «люблю»? Нам тоже, конечно, случается подраться, не поделив кошку, но пока двое сражаются, остальные держатся в стороне, потому что какая им разница, кто победит? И какая выгода в том, чтобы принимать чью-то сторону? Этого я никогда не пойму.

* * *

Елена (говорит сквозь слезы):

– Друг мой кот, славно мы жили, но теперь закончилась радость, пришли наши горькие дни. Долго плутали ахейцы в морях, а все же добрались до нас. Лагерем встали они на равнине под стенами Трои. Приходили сегодня послы, мой муж и с ним какой-то глазастый хитрец, велели выдать меня, сказали, тогда не будет войны. И я, милый кот, согласилась. Потому что Парис – любовь моей жизни, свет, наполняющий сердце, воздух, которым дышу, слишком большое счастье, чтобы платить за него кровью других людей. Своей – еще соглашусь, горько, но справедливо. Поэтому я сказала: ладно, отдайте меня. Если мне повезет, Менелай убьет меня сразу, тогда унесу с собой все наши ночи и дни, ни одной позабыть не успев, с ними легко уходить. Но Приам и его сыновья отказались меня отпускать, сказали: даже не думай, ты нам теперь родня, не отдадим никому. Поэтому, серый мой, звонкий мой ласковый кот, будет война – из-за меня, ты подумай. Слишком горькая правда, лучше ее не знать. Но я, так случилось, знаю.

Кот (думает):

Какие все дураки. И ты, Елена, не лучше прочих. Сладко быть виноватой? Так и скажи. Но лучше сядь и подумай. Ты не причина, а повод будущей долгой войны. Боги скучают, боги хотят играть, и все эти ваши ахейцы, троянцы, спартанцы, стрелы и корабли, цари и герои, воины и рабыни – просто цветные клубки запутанной пряжи; кинь мне, кстати, один, я тоже давно не играл.

* * *

Елена (говорит устало):

– Котик бедный мой исхудал, слишком долго длится осада, на шесть долгих лет затянулась война, и конца ей не видно, нечем стало тебя кормить. Поделюсь своим молоком, но ни сладких сливок, ни дичи, ни рыбы морской, ни куриной печенки сами давно не ели, и для тебя их нет, прости меня, мой пушистый, совсем плохая хозяйка, ты этого не заслужил.

Кот (думает):

Какие все дураки. Нашла о чем волноваться. Подумаешь – сливок нет! А рыбу я не люблю, всегда ел ее без охоты, желая тебе угодить. В общем, не ной. Забыла, что я охотник? Пойду мышей наловлю, наемся сам до отвала и для тебя с Парисом оставлю одну на пороге. Ладно, ладно, шучу, знаю, мышей ты не ешь, но птицу небось оцipleшь и сваришь, если тебе принесу? Вот и договорились. Мне будет приятно стать старшим в семье – тем, кто приносит еду.

* * *

Елена (говорит голосом, потемневшим от горя):

– Серый мой друг, одинокий, как хаос, спокойный как космос, веселый как боги, безжалостный ласковый воин, старый мой кот, все закончилось, умер Парис. А мое тело живо, не желает оно каменеть, не сгорает от горя, не рассыпается пеплом, не утекает в землю как дождевая вода, готово вдохнуть, выдохнуть, есть

и пить, заниматься любовью – без него, а значит, без смысла, и это нечестно, неправда. Я – неправда. Притворяюсь живой, а меня больше нет, потому что умер Парис, и жестокосердные боги не желают его воскрешать. Перерезана нить, погашено солнце.

Кот (говорит человеческим голосом, твердо зная, что Елена его не услышит):

– Какие все дураки. Так скорбят об умерших, словно сами здесь навсегда. Опомнись, Елена. Что с того, что умер Парис? Я тоже однажды умру. И ты умрешь – от тюленьих клыков мстящей за сына Фетиды, или повиснешь нагая в ветвях на Родосе, или тихо угаснешь в Ферапне на окраине Спарты, я точно не знаю и знать не хочу, мне, по правде сказать, все равно. Потому что – внимательно слушай, Елена, об этом не скажут тебе ни мудрецы, ни пророки, ни ваши лукавые боги – наша смерть, вернее то, что кажется смертью, происходит не с нами, а с другими людьми, ненадолго задержавшимися на земле, чтобы лить слезы, заламывать руки, посыпать головы пеплом, пировать, заливая вином свое горе и страх, пока мы, отвернувшись от них, продолжаем идти по дороге, золотой, как свет моих глаз, где прямо сейчас, этой ночью, отражается солнце, которое завтра взойдет, хочешь ты того или нет.

Гэшечка

Когда после испытательного срока подписал контракт аж на пять лет, первым делом решил сменить квартиру. Всегда хотел жить поближе к центру.

Самое смешное, что оказывается давным-давно мог бы переехать: мансарда в Старом городе стоила примерно столько же, сколько его бывшая квартира у черта на куличках. Ну, правда, площадь поменьше. И студия – то есть, без отдельной кухни, просто плита и раковина в углу. И ванны тоже нет, только душ. Ай, да плевать. Зато самый настоящий работающий камин и целых два окна. И наверху маленькая каморка-кладовая, через которую можно вылезти на крышу. Впрочем, заранее был уверен, что ни за что туда не полезет: высоты боялся с детства. И никакие психологи не помогли, хотя одно время очень старался избавиться от этого страха.

Потом забил.

Фотокамеру нашел, когда наводил порядок в камерке наверху. Ничего выдающегося, хоть и не совсем дерьмо. Canon PowerShot G. Девятка. Несколько лет назад считалась очень даже ничего. В интернете о ней уважительно писали «полупрофессиональная». Осталось понять, кто такой этот самый «полупрофессионал», для которого предназначен подобный рабочий инструмент. Как он выглядит, чем питается, где гнездится. Забавное должно быть существо.

Позвонил квартирной хозяйке. Дескать, обнаружено ценное имущество, кому отдавать? Хозяйка от имущества наотрез отказалась. На вопрос о прежних жильцах, помявшись, ответила: «Наверное, им не нужно, раз до сих пор не пришли. Оставьте себе».

Вот спасибо так спасибо. Царский подарок. Блин.

Гэшечка была ему совершенно не нужна. И даже изрядно бесила. Потому что, будучи профессиональным телеоператором, он искренне считал неподвижные картинки вчерашним днем. Старые фотографии часто кажутся трогательными, особенно когда изображают свадьбу твоих родителей или тебя самого в возрасте пяти месяцев. Ну и искусством в ту пору фотография все-таки была, иногда – самым настоящим, без скидок. Но заниматься фотосъемкой сейчас – все равно что малевать пиктограммы на скалах, упорно игнорируя изобретение письменности, печатного станка, а вслед за ним и компьютера.

Будь это подарок, или, чем черт не шутит, глупая, по пьянке сделанная покупка, просто отдал бы одному из племянников, а то и вовсе выбросил бы, да и дело с концом. Но камера была чужой вещью, поэтому ни подарить, ни выбросить ее не мог. Пришлось оставить.

...Решил упаковать и убрать с глаз долой, но выработанное за долгие годы работы уважение к любой технике и привычка содержать ее в порядке, взяли свое. Зарядил аккумулятор, включил – вроде, работает. Язвительно ухмыляясь, покрутил настройки. Да уж, техника на грани фантастики. Нет слов. Из любопытства проверил карту – пустая. Никаких чужих снимков. Даже жаль.

Было бы любопытно взглянуть.

Ладно. Пусть так.

Бродил по квартире, соображая, во что бы завернуть это добро и куда бы его после этого спрятать. В смысле ее. Камеру. Гэшечку. Заметил, как забавно двоится отражение в оконном стекле, словно душа покидает тело. Или, наоборот, входит в него. И сперва нажал на кнопку, а уже потом изумленно спросил себя: «Зачем?»

Ответа, конечно, не было.

Ответа не было, а снимок был. Такой удачный, что даже стирать жалко. Подумал: «Ладно, я не обязан заметать следы», – и оставил. А камеру положил в нижний ящик письменного стола. Все равно будет пустовать: документы, счета и прочие бумаги удобно держать повыше, под рукой. А всякой ненужной технике самое место внизу.

Даже не подозревал, что снова достанет камеру буквально послезавтра.

Ну, предположим, был пьян. Не настолько, чтобы совсем не контролировать свое поведение, а просто на взводе. В таком состоянии люди обычно поют, дерутся, признаются в любви незнакомкам, мчатся на другой конец города в гости к бывшим одноклассникам, которые еще два часа назад легли спать, пляшут дикарские танцы на перилах мостов – словом, делают глупости разной степени тяжести. Поэтому прийти домой, достать из нижнего ящика письменного стола неизвестно чью фотокамеру, так называемую «полупрофессиональную», выдающую жуткое зерно уже при iso 800, руки бы поотрывал производителям – так вот, взять камеру и пойти с ней гулять – далеко не самый ужасный поступок в таком состоянии, будем честны.

Не так уж долго гулял, быстро протрезвел на морозе, часа полтора получилось вместе с обратной дорогой домой. Пришел, упал и уснул, прижимая к груди горемычную гэшечку, как плюшевого медвежонка. А поутру на карте обнаружилось четыре с лишним сотни снимков. Господи, когда только успел.

Сунул камеру в компьютер, просто из любопытства, редкий случай, когда можно внимательно посмотреть на свою пьяную выходку со стороны. Ну что, посмотрел. Десятка полтора снимков так и не смог отправить в корзину. Не то чтобы вот прямо шедевры, но довольно интересные. По меньшей мере, странные. Словно репортаж из какого-то иного мира, где все очень похоже на наш, но немного не так. Тени ложатся иначе, отражения иногда выходят за пределы зеркал, а снег вместо того, чтобы валиться с неба, взлетает с земли вверх. И так далее.

И даже дурацкое зерно было к месту. Брак словно бы увеличивал достоверность изображения, делал его подлинным живым свидетельством невозможного бытия, наверное штука в этом.

Ну или просто устал уже от хорошей качественной картинки. Случается такая профдеформация. Выпускник консерватории тоже может прийти в восторг, поиграв на скрипке уличного музыканта. В этот момент ему кажется, что визг расстроенного инструмента честнее всех прочих звуков. Бывает. Потом проходит, если повезет.

В общем, оставил снимки. Кому они мешают.

– погоди, так ты теперь в квартире Глинца живешь? – удивился коллега, вызвавшийся однажды подвезти его до дома. – Ничего себе, какие бывают совпадения.

– Что за Глинц?

– Марк Глинц. Очень хороший фотограф. И как все по-настоящему хорошие, почти никому не известный. Мы одно время дружили, пока он не... В общем, неважно. Марк погиб в прошлом году.

– Погиб?!

– Упал с собственной крыши. Наверное, поскользнулся. Снег в ту ночь шел.

– О, господи.

От ужаса даже ноги отнялись – буквально на секунду. Так всегда случалось, когда при нем говорили, что кто-то откуда-то упал. Фобия есть фобия.

– На крыше зеркала были разложены, – сказал коллега. – Полицейские голову сломали, пытаюсь понять, зачем. Зная Марка, не сомневаюсь: что-то чрезвычайно интересное как-нибудь хитровыкрученно в этих зеркалах отражалось. Вопреки всем законам природы, логики и, возможно, даже композиции. Марк был помешан на отражениях. Потрясающе их снимал.

Когда пришел домой, первым делом включил компьютер и стер свои снимки. Никогда не был суеверным, просто ноги отнимались, а живот наполнялся едкой тошнотворной чернотой от одной только мысли о бывшем владельце камеры. А на собственные снимки вообще смотреть не мог, хотелось кричать в голос. На каждом что-то интересное как-нибудь хитровыкрученно отражалось в чем-нибудь другом, не менее интересном. На хрен такую мистику. На хрен ее вот прямо сейчас. И камеру туда же. А еще лучше – просто в мусорное ведро.

Но все-таки не выбросил. Рука не поднялась. Чужая вещь. Может быть наследники покойного объявятся? Ну мало ли. Вдруг.

На следующий вечер крепко напился. С гэшечкой по городу, впрочем, не бегал. Даже в руки ее не брал. Хотел, но не решился. Однако удаленные снимки каким-то образом восстановил. И, в общем, правильно сделал. Отличные все-таки кадры.

Неделю спустя началась оттепель, и город был залит водой. И сам же в этой воде отражался, мутными талыми ручьями стекал вниз по холмам, смешиваясь с черной прошлогодней листвой, яркими конфетными обертками, лоскутами по-апрельски голубого неба, окурками, голубиными перьями, облачной мишурой.

На работе как назло были выходные – целых три подряд. Взял камеру и пошел на улицу, куда деваться.

Да и зачем, собственно, куда-то деваться? На крышу-то никто палкой не гонит. Сейчас все самое интересное творится на твердой, надежной, восхитительно мокрой земле.

После первой прогулки оставил почти полсотни снимков из почти тысячи. После второй – еще примерно столько же. Жалко выбрасывать по-настоящему удачные работы, даже если они никому, кроме тебя самого не нужны.

Хотя бы потому, что те, кому не нужны такие классные фотографии, просто не имеют значения. Их, можно сказать, вовсе нет.

После этих прогулок отходил долго, как от запоя. Недели две камеру в руки не брал – совершенно добровольно. В смысле, без специальных волевых усилий. А потом уехал на съемки в Венгрию, и гэшечке пришлось остаться дома, нравится ей это или нет. Потому что работа есть работа, не до баловства. Хорошо если на сон время останется.

Локти потом кусал. Времени действительно совершенно не было, но все равно очень скучал.

Ближе к лету заметил, что постоянно таскает камеру с собой, даже за хлебом без нее не выходит. Благо компактная, отлично помещается в кармане куртки или жилета. Ну, выпирает, конечно, как будто яблок в соседском саду наворовал. Но кому какое дело, что там у человека в карманах. А гулять по городу без камеры и правда глупо, потому что никогда заранее не знаешь, где тебя поджидает россыпь зеркальных осколков в траве, или пыльная витрина с толстым двойным стеклом, или просто черный автомобиль, в лакированном корпусе которого отражаются причудливо искривленные фрагменты башен соседнего дома. Жалко, безумно жалко просто так проходить мимо. Совершенно невыносимо. Даже сердце начинает болеть.

Осенью как-то внезапно обнаружил, что остался совсем один. И дело даже не в том, что почти все время забирала работа, а жалкие, но драгоценные его

огрызки доставались гэшечке, целиком, без остатка. Просто как-то не о чем стало говорить с людьми. Все самое важное происходило сейчас за пределами слов. А тратить себя на пустую болтовню было жалко. Человек не так уж велик. И делить себя приходится, как кусок хлеба в голодный год. Ясно, что на всех не хватит, поэтому отдаем тому, кого действительно любим. Зачастую только в этот момент и выясняем кого.

Первый снег в тот год выпал рано, еще в октябре. Потом, конечно, растаял, но сперва было несколько великолепных абсурдных дней с красными кленовыми листьями на белоснежных газонах, розами и гортензиями, торчащими из сугробов, школьниками, несущимися на лыжах и санках мимо по-летнему зеленых зарослей сирени.

Был близок к тому, чтобы взять больничный, но все-таки удержался. Тем более один из снежных дней все-таки пришелся на выходной.

В тот день впервые подумал, как здорово было бы залезть на крышу и поснимать заснеженный город сверху. Просто так, без спецэффектов, для себя. Неизвестно, случится ли еще хоть раз на нашем веку такая красота.

Но решился на вылазку только следующим утром, перед работой. Все-таки очень страшно на эту чертову крышу лезть. А необходимость быть в студии не позже десяти утра почему-то казалась своего рода гарантией безопасности, дополнительным страховочным шнуром. Человек, которому надо вовремя успеть на работу, не может свалиться с крыши, точка.

...Ну и действительно не свалился. И даже в штаны не наложил, хотя к тому шло. Зато сделал полсотни прекрасных кадров, почти одинаковых, потому что страх практически не позволял ему передвигаться и даже поворачиваться в разные стороны.

Но понять замысел покойного хозяина гэшечки все-таки успел. Ну или только думал, что понял.

Штука в том, что дом его был самым низким в квартале. Соседние гораздо выше. Заранее можно вообразить, как причудливо будут отражаться их декоративные башенки и печные трубы в зеркалах, если притащить их сюда и разложить...

Нет, стоп. Никто ничего никуда не потащит. И не разложит. Потому что лично я обосрись еще до начала операции. А попросить некого.

Иногда одиночество даже на пользу.

Зеркала, конечно, не покупал. Ни за что в жизни не сделал бы такую глупость. Беда в том, что несколько больших, неровно обрезанных кусков зеркала появились в подъезде сами, примерно в середине ноября. И стояли там до декабря, никто их не выносил и не забирал.

В начале декабря у него сдали нервы. Надел рабочие перчатки и вышел в подъезд, чтобы вынести эти чертовы зеркала на помойку. Но вместо этого почему-то потащил в дом. Сложил в кладовой наверху. Попытался было объяснить себе, как эти обрезки пригодятся в его холостяцком хозяйстве. Но объяснения звучали так неубедительно, что оборвал себя, не дослушав.

А потом пошел снег.

...Ночь была бела, светлее иного пасмурного дня, и метель кружила над городом, и веселый западный ветер по-разбойничьи свистел в трубах. От этого свиста не мог заснуть до утра, ворочался с боку на бок, прикидывая, какой вид на город открывается сейчас с его крыши. Но, конечно, никуда не полез.

Потому что если уж решил лезть на чертову крышу, нужны подходящие ботинки. Такие, чтобы не скользили на этом прекрасном снегу. И еще нужна страховка. Нет, правда, есть же всякое специальное снаряжение. Для альпинистов, верхолазов и прочих психов, желающих как можно дольше оставаться живыми. Обязательно должно быть.

Совершенно в этом не разобрался, но дал себе слово изучить вопрос. И только потом лезть на крышу – если уж так приспичило. Будет на твоём веку еще метель. И не одна.

К середине января успел не только разобраться с теорией, но и вгрозить в снаряжение кучу денег. И пару раз опробовать его в относительно безопасной обстановке, на скалодроме, где уже несколько лет тренировался один из коллег. Как всякий настоящий энтузиаст, он был готов возиться с новичком, сколько понадобится. Очень повезло.

Иными словами, к середине января он был готов ко всему. В смысле к новой метели. Хоть и надеялся, что ее в этом году больше не будет. Очень не хотелось превращаться в безумца, готового на все ради нескольких фотографий, которые, скорее всего, никто никогда не увидит.

Но, конечно, пришлось.

...Думал, полночи ползал по крыше, раскладывая зеркала. Потом, посмотрев на часы, выяснил, что управился за десять минут. Удивительная все-таки штука время.

Насчет отражений, скорее всего, догадался правильно. Фантазмагорические вышли картинка, особенно в сочетании с метелью. Так не бывает. По крайней мере, не на этой земле. Ну так для того и нужна фотография – чтобы документировать невозможное. Иного смысла в ней нет, потому что возможное существует и так, без дополнительных усилий. Это он понял еще летом. Или даже весной. Неважно, когда.

Страшнее всего было подняться с четверенок на ноги и выпрямиться в полный рост. Страховка страховкой, но ужас-то никуда не делся. А его природа иррациональна, разумными доводами не проймешь. Только неразумными, вроде необходимости сделать несколько фотографий – темных, мутных, зернистых изображений великолепного зимнего города, гроздьями свисающего с небес, вечно летящего куда-то через ветер и снег, вместе с ветром и снегом, вместо них.

Фотографировал, в голос воя от страха. К счастью, ветер выл громче. Повезло.

Дома выпил стакан коньяка. Залпом, не поперхнувшись. Почти не ощутил крепости, только в горле стало горячо. Колоссальным усилием воли заставил себя снять ботинки, с одеждой возиться не стал. Упал и уснул, прижимая к животу камеру, как будто она могла убежать.

...С утра смотрел давешние снимки на большом экране. Ни одного не выкинул. Нельзя сказать, что остался доволен собой, но только потому, что не было такой постановки вопроса. Вместо: «Я это сделал», – думал: «Все так».

Наверное, был счастлив. Или что-то вроде того.

Несколько дней не брался за камеру. Потому что, во-первых, было много работы. А во-вторых, просто устал. Не столько от самого фотографирования, сколько от вдохновенного себя. Человек невелик, слишком много счастья сразу в него не помещается. Поэтому иногда приходится ждать.

А когда почувствовал, что соскучился, выяснилось, что камера не работает. Пишет: «ошибка объектива», – и отключается. Поковырялся немного сам, но быстро понял, что без специалиста не обойдется.

– Боюсь, тут уже ничего не сделаешь, – сказал специалист. – Вы что, из окна ее роняли?

Открыл было рот, чтобы возразить: «Даже с дивана на пол не ронял!» Но передумал. Кивнул:

– Если быть точным, с крыши. Ладно, нет, так нет.

Подумал: «Вот и все». Сунул мертвую гэшечку в карман, вышел на улицу. Но почти сразу вернулся обратно. Остановился перед витриной с Кэнонами. Отыскал среди них знакомый силуэт. PowerShot G – надо же, уже пятнадцать. Как время летит.

Подумал: «Вряд ли пятнадцатая будет хуже девятой. По идее, должно быть наоборот. И привыкну, наверное, быстро. Все-таки та же серия, гэшечка, будь она неладна. Ладно, попробую, а там – как пойдет».

Требуется чудовище

Дал себе слово не искать работу до Нового года. «Надо отдохнуть» – подсказывал голос разума. «Надо отдохнуть, надо отдохнуть, надоотдохнуть, надохнуть!» – скандально верещал остальной организм. А от него не уйдешь, хлопнув дверью.

Поэтому работу не искал. А что каждый день просматривал сайты и газеты с вакансиями – так это не настоящий поиск. Просто успокоительное чтение под кофе. Прочитаешь с утра: требуются бухгалтеры, требуются водители, требуются электрики, швей, секретарь-референт, продавцы, охранники, рабочие в типографию, и так далее, – и сразу ощущаешь себя частью удивительного гармоничного мира, где все позарез нужны всем. Почти как фантастику читать. Даже не «почти», а лучше.

Когда среди умиротворяющих объявлений о нехватке швей, грузчиков и переводчиков вдруг заметил строчку мелким шрифтом «Требуется чудовище», – сперва не обратил на него внимания. Только целую минуту спустя вслух переспросил: «Чтоооо?!» – и вернулся назад. Просто чтобы понять: померещилось, или все-таки не померещилось? И если не померещилось, что имеется в виду?

Не померещилось. Перечитал: «Требуется чудовище, работа посменная, оплата почасовая». Ни кому оно вдруг понадобилось, ни зачем, ни какого рода требования предъявляются к кандидатам, написано не было. Сэкономили на знаках? Или просто розыгрыш? Какие-то остряки поспорили, сколько народу откликнется до конца рабочего дня? Если меньше десяти, один ставит пиво, если больше – другой. Главное, что пиво будет в любом случае.

Впрочем, почему обязательно сразу розыгрыш? Скорее всего, ищут бедолаг, согласных поработать живой рекламой. Человек-тюбик зубной пасты, человек-ботинок, человек-бутерброд. А человек-чудовище вполне может рекламировать

новый магазин игрушек. Или кинотеатр. Или...

Да практически все.

Пожал плечами и выкинул дурацкое объявление из головы. Ну, то есть, думал, что выкинул. А на самом деле постоянно о нем вспоминал, до самого вечера. И на следующее утро, не дожидаясь, пока сварится кофе, полез на сайт проверять, что там с объявлением про чудовище. На месте? Или уже сняли?

Оно было на месте. Более того, появилось еще на двух других сайтах, менее популярных. Когда пошел гулять, не удержался и купил четверговую рекламную газету, благо она как раз появилась во всех киосках. Рубрика «Вакансии» там крошечная, пара десятков объявлений, в лучшем случае. Однако объявление «Требуется чудовище» обнаружилось и там, самым мелким шрифтом, с экономными сокращениями: «посмен.», «опл. почасов.»

Смешно.

Гулял по городу своим обычным маршрутом: вверх на холм, направо, прямо-прямо до парка, оттуда через мост на другой берег, еще один мост и обратно в центр. Часа полтора худо-бедно получается – если не очень спешить. И почти всю дорогу тихо, спокойно, безлюдно. То, что доктор прописал.

То есть доктор действительно именно это прописал: покой, прогулки, витамины, хорошее настроение и любовь. Последняя рекомендация звучала особенно прекрасно. Как будто можно прийти в аптеку, швырнуть на прилавок рецепт и несколько крупных купюр: «Мне любовь, на все», – и ждать, нетерпеливо барабаня пальцами, пока ее отмеряют, взвешивают и пакут в мешки.

Но ладно. Прогулки, покой и витамины, тоже давали неплохой результат: то самое хорошее настроение, прописанное доктором. Местами даже слишком хорошее, то есть граничащее с дурью. Потому что чем как не дурью можно объяснить следующий поступок: взрослый человек усаживается на мокрую от вчерашнего дождя парковую скамейку, достает из кармана телефон и звонит по самому нелепому объявлению за всю историю рекламных газет:

«Здравствуйте, я по поводу чудовища. Только один вопрос: живая реклама или все-таки розыгрыш? Второй день голову ломаю».

– Ни то, ни другое, – ответил мужской голос на том конце провода.

То есть не провода, конечно. Какие могут быть провода. Но как тогда сказать? На другом конце – чего именно? Эфира? Пространства? Ноосферы?

Не пойдет.

Голос, кстати, ему понравился. Спокойный такой голос, бархатный и глубокий, одно удовольствие слушать. На радио бы его.

– Понимаю, что наше объявление выглядит довольно интригующе, – бодро говорил человек на том конце неизвестно чего. – Сам хотел добиться такого эффекта. Однако подробности об этой вакансии я сообщаю только тем, кто приходит на собеседование. Завтра в одиннадцать вас устроит?

Ничего себе, какой шустрый.

Пришлось честно признаться:

– Я не собираюсь устраиваться на работу. Просто из любопытства позвонил. Извините, пожа...

Но собеседник не дал ему договорить.

– Я прекрасно понимаю, что вы позвонили только из любопытства. Могу вас успокоить: вероятность, что вы нам подойдете, крайне невелика. У нас, скажем так, довольно специфические требования. Однако я предлагаю честный обмен: вы уделите мне четверть часа своего времени, а я удовлетворю ваше любопытство. Плюс с меня кофе. Или, если предпочитаете, чай.

Зачем-то сказал:

– Нет, я как раз кофе... Но...

– Вот и прекрасно. Чашка кофе в одиннадцать утра никому не повредит. Жду вас в кафе напротив ратуши.

– Но...

– Если передумаете, можете не перезванивать, – великодушно сказал потенциальный работодатель. – Все равно я каждый день пью там кофе. В одиннадцать утра, не раньше и не позже. И завтра намерен проделывать то же самое, а с вами или без вас, решайте сами.

И положил трубку. В смысле нажал кнопку «отбой» или как она там называется. С красненьким значком.

И хорошо. А то как-то совсем уж неловко стало под конец.

Ночью, уже засыпая, подумал: «Ужасно все-таки интересно, что этот тип рассказывает идиотам, которые приходят на собеседование».

А утром зачем-то подскочил в семь тридцать вместо ставших уже привычными девяти. Как подскакивал раньше времени в детстве, в день рождения, когда под кроватью ждал поставленный туда ночью подарок, а на кухне – обрезки коржей для «Наполеона». Любил их больше, чем сам торт, и мама всегда оставляла. И немножко заварного крема в маленькой щербатой пиале – чтобы можно было вымазать пальцем и облизать, пока все спят и не видят, что он творит.

Но сегодня не было ни дня рождения, ни подарка, ни сладких черствых коржей. Ни тем более детства. Только randevu в одиннадцать утра, на которое, ясное дело, никто не собирается идти.

Не собирается, ясно?

А кофе пей себе сколько влезет. Просто подальше от ратуши. И, будь добр, за свой счет.

«Господи, да при чем тут какой-то кофе, – думал, стоя под душем. – Просто я хочу узнать, что он мне скажет. Что вообще говорят психам, явившимся на собеседование по объявлению «Требуется чудовище»? По идее, какую-нибудь совершенно умопомрачительную чушь. И я хочу ее послушать. А от кофе откажусь. Ну или ладно, выпью, если он будет настаивать. Выслушаю, поблагодарю, попрощаюсь и уйду. Имею полное право, он сам сказал».

– Да не собираюсь я устраиваться ни на какую работу, – сказал он вслух своему зеркальному отражению, укоризненно наблюдающему, как тщательно выбирает рубашку и джемпер его легкомысленный оригинал. – Какая там может быть работа? Кем? Чудовищем? Не сходи с ума. Просто необходимость достойно выглядеть в любой ситуации никто не отменял.

Отражение было настроено скептически, но отобрать ключи от квартиры, кошелек и телефон все равно не могло. В этом смысле оно – идеальный опекун.

Ровно без трех минут одиннадцать был у ратуши. Но устыдившись собственной пунктуальности, обошел ее кругом, еще раз и еще, под дружный перезвон всех городских колоколов. И только потом разрешил себе войти в кафе. Переступая порог, запоздало спохватился: интересно, а как я его узнаю? Не приставать же к каждому сидящему в одиночестве: «Вы не меня ли случайно ждете? Чтобы про чудовище рассказать?»

Но опасения были напрасны. Кафе оказалось почти пустым. За одним столиком сидела парочка влюбленных юных менеджеров, или банковских служащих, или просто секретарша и курьер, кто их разберет. Серые костюмчики, черные ботиночки, детский румянец на щеках, шапки взбитых сливок над чашками, блестящие глаза, горячий шепот, и пусть весь мир подождет.

Молодцы, так и надо.

Столик у окна занимала старушка, или даже старая леди в шляпке цвета осенних сумерек и таком же светлом синевато-сером пальто. А в дальнем конце, возле входа в служебные помещения сидел коренастый блондин средних лет, одетый, мягко говоря, не слишком официально. Джинсы, клетчатая рубашка и какая-то невнятная куртка, измятая не то от небрежного обращения, не то

в соответствии с актуальной молодежной модой, поди разбери. Явно не работник отдела кадров. Скорее, журналист. Например.

Когда блондин приветливо улыбнулся и призывно взмахнул рукой, обреченно подумал: «Ну точно журналист. Или какие еще бывают любители ставить психологические эксперименты над живыми людьми? Социологи? Точно, они. Сейчас небось попросит меня заполнить анкету: возраст, профессия, социальный статус, где прочитал объявление, почему на него откликнулся, и все в таком духе. Как же я не люблю такие штуки! И вот, земную жизнь пройдя до середины, внезапно влип».

Решил: ладно, от анкет, если что, откажусь наотрез. Силой никто не заставит. Не убегать же теперь, сломя голову. Было бы от чего.

– Рад, что вы здесь, – сказал блондин. – И пожалуйста, не надо так на меня смотреть. Нет у меня под столом оператора с камерой. И опросника на сто сорок пунктов в папке тоже нет. И даже самой папки. Вообще никакого подвоха. Я пригласил вас на собеседование, вы пришли. С меня кофе и ответы на все ваши вопросы. И все.

Сказал, усаживаясь напротив:

– Кофе необязательно.

– Конечно, необязательно, – согласился блондин. – Просто я его вам вчера пообещал. И буду чувствовать себя довольно глупо, если передо мной будет стоять чашка, а перед вами нет. Давайте так: кофе я все-таки закажу. А вы его не пейте, если не хотите.

– Ладно.

Впрочем, любому дураку ясно, что сидеть перед полной чашкой и не прикоснуться к ее содержимому – задача трудновыполнимая. Рано или поздно все равно отхлебнешь – машинально, увлекшись разговором. Поэтому лучше сделать первый глоток сразу, пока кофе горячий. Чего тянуть.

Отпил немного – кофе как кофе. Стандартный, как почти везде, кроме избранных тайных мест, которые наперечет. Сказал:

– Вы обещали объяснить, что за чудовище вам требуется. Вернее, что это за работа. Я третий день умираю от любопытства. Поэтому и пришел.

– Понимаете, – сказал блондин, – я сейчас в трудном положении. Потому что существует стандартный ответ на этот вопрос: «Мы действительно разыскиваем чудовище, чтобы предложить ему работу в должности чудовища. Но вы нам, к сожалению, не подходите, потому что вы – человек. Не огорчайтесь, в наше время это скорее преимущество, чем недостаток. Всего доброго. Успехов!»

– Ясно. Исчерпывающий ответ. Хотя совершенно не объясняет, зачем вам понадобилась эта затея с объявлением. Неужели просто потому, что скучно пить кофе в одиночестве?

– Кстати, прекрасная причина, – обрадовался блондин. – Спасибо! Надо будет запомнить и повторять всем желающим узнать тайную подоплеку моего поведения.

Ладно, будем считать, расплатился за кофе добрым советом. Уже хорошо.

Спросил без особой надежды услышать что-нибудь еще:

– А на самом деле? Какова тайная подоплека?

– Да нет никакой тайной подоплеку. Мне действительно позарез нужно найти кого-нибудь на должность чудовища. И ужас моего положения в том, что вы, похоже, подходите. При этом вы вчера очень твердо заявили, что не собираетесь устраиваться на работу. А я вас успокоил, заверил, что не стану ничего предлагать. Кто же знал, что вы окажетесь подходящей кандидатурой? И как мне теперь, скажите на милость, вас уговаривать?

Ничего себе поворот. О чем он? Во что меня пытаются втянуть?

Сказал:

– Не надо уговаривать. Лучше объясните.

– Ладно, – кивнул блондин. – Объясню, куда я теперь денусь. Как вы смотрите на то, чтобы прогуляться?

Насторожился.

– Куда?

– Никуда. В смысле не куда-то в конкретное место. А просто прогуляться по городу. Где-нибудь тут, в центре. Никаких подозрительных подземелий, спальных районов и трущоб под снос.

Подумал, кивнул:

– Ладно, идемте.

...Несколько минут шли молча. Блондин имел вид задумчивый и рассеянный. Казалось, вот-вот скажет: «Спасибо, что проводили, приятно было познакомиться», – и нырнет в какой-нибудь офис. Или просто в подъезд.

Внезапно он оживился, пихнул локтем в бок. Жест, конечно, грубый и фамильярный, но в его исполнении вышел дружеским, как в детстве, когда толкаются от избытка сил и чувств. И прошептал тоже по-детски, свистящим заговорщическим шепотом:

– Видите того парня в синей куртке? Попробуйте посмотреть на него боковым зрением. Умеете? Видите? Ну?!

Ничего не понял, но послушно уставился на высокого мулата в синей куртке, который стоял на бульваре, прислонившись к дереву и разговаривал по телефону. И поспешно отвернулся: неловко же так пялиться. Не был уверен, что понимает, что такое «боковое зрение», но на всякий случай покосился на парня исподтишка. Ничего особенного не увидел, как и следовало ожидать.

– Не умеете, – заключил блондин. – Ладно, объясняю. Надо повернуться к объекту боком и смотреть прямо перед собой. Но при этом внимание

сконцентрировать на периферии зрительного поля. В смысле на самом краю картинки. Понятно объясняю?

Буркнул:

- Не очень.

Но все-таки попробовал выполнить инструкцию. Старался до зуда в глазах. И в какой-то момент показалось, или все-таки действительно увидел... Да нет, конечно, просто померещилось, что на месте смуглого лица незнакомца, прямо над расстегнутым воротом бушует яркое, синее, как его куртка пламя. Такой неукротимой мощи, что даже удивительно, как оно не перекинулось на дерево, к которому прислонился обладатель огненной головы. А с дерева – на остальной бульвар.

- Увидели! – восхищенно прошептал блондин. – Вы его увидели!

Сердито помотал головой, заодно отгоняя непрошенную галлюцинацию.

- Да ничего я не увидел.

- Неправда.

- Правда. Просто глаза стали слезиться, все расплывается, неудивительно, что...

- Синий огонь? – торжествующе ухмыльнулся его спутник.

Яростно выкрикнул:

- Нет!

Мулат в синей куртке, тем временем, закончил телефонный разговор, отлип от дерева и неторопливо пошел по бульвару. Невольно покосился ему вслед, вернее, не покосился, а посмотрел этим дурацким «боковым зрением» и снова увидел столб синего огня. Меж языков пламени мелькали лица, не то птичьи, не то все-таки человеческие, просто до неузнаваемости искаженные гримасой – боли? Гнева? Какого-то иного не поддающегося описанию чувства?

Да кто ж их разберет.

На этот раз не устоял на ногах. Начал оседать, тяжело, как мешок с песком, который перед этим всю ночь таскал другие мешки с песком. И устал навсегда.

Со спутником ему повезло. Не растерялся, подхватил, не дал упасть, усадил на лавку, извлек из внутреннего кармана маленькую флягу белого металла, открутил пробку, поднес к губам.

Там был очень хороший коньяк. Такой хороший, что ради возможности сделать два неуверенных глотка вполне имело смысл падать в обморок.

Хотя, положив руку на сердце, такое незначительное происшествие и обмороком-то не назовешь. Просто голова закружилась.

Сказал:

- Спасибо.

Достал из кармана единственную сигарету, специально приготовленную, чтобы покурить перед возвращением домой. Обычно за день выкуривал две, одну в финале прогулки, вторую - перед сном.

Но сейчас она явно гораздо нужней.

- Абсолютно нормальная реакция здорового организма, - примирительно сказал блондин. - Увидели то, чего человеческими глазами видеть не положено - получайте. Все честно. Впрочем, не переживайте, привыкните.

Еще чего не хватало - к такому привыкать.

Спросил:

- Слушайте, что это было вообще?

– Не «что», а «кто». Один из лучших моих сотрудников. Возможно ваш будущий коллега... Ладно, ладно, забудьте. Не коллега, не будущий, не ваш. Огненный синий демон Двенадцатой Пустыни Альстейна, талантливый скрипач, очень заботливый сын; говорят, фантастический любовник. Не знаю, лично не проверял. Нам взаимно повезло: мне – заполучить столь ценного работника, а мальчику – зарабатывать достаточно денег, чтобы его мать проводила зиму на юге, а лето – на берегу Северного моря. У нее врожденная любовь к перемене мест и очень хрупкое здоровье. Ничего не поделаешь, немного я знаю женщин, способных родить демона без всякого ущерба для себя. Впрочем, извините, увлекся. Вас проблемы этой семьи совершенно не касаются. Тем более, что и проблем у них уже давно нет.

– Ничего себе. Это сколько же он зарабатывает?

– Понимаю ваше любопытство. Но называть точную сумму было бы неэтично. Скажем так, сколько ему нужно, столько и зарабатывает. И еще немного сверху – просто так, чтобы всегда был приятный сюрприз.

– А зачем огненному демону деньги?

– Ровно затем же, зачем всем остальным. Он же, в некотором смысле, совершенно обычный человек. То есть воплощен в человеческом теле, которому нужно есть, пить, жить в тепле, не ходить по улице голым и получать разнообразные удовольствия. Все, что этот юноша пока может – продемонстрировать свою удивительную природу на радость тем, кто способен ее увидеть. Может быть, потом, позже... Впрочем, поглядим, что будет потом. У всех по-разному получается.

Выбросил в урну скуренную до фильтра сигарету. Вздохнул: вторая сейчас не помешала бы. Но она осталась дома, в портсигаре, в ящике письменного стола.

Сказал:

– Ладно, хорошо, предположим. Но я-то вам зачем? Я не синий демон. И даже не фиолетовый в клеточку. Если бы был, я бы знал.

– Совершенно верно, – кивнул блондин. – Вы не демон. Вы – другое существо. А насчет вашего последнего замечания, вынужден разочаровать. Поначалу никто о себе не знает. Многие так и не узнают до самого конца. Потом, уже после так называемой смерти, очень веселятся, выяснив, какими дураками были все это время. Люди, впрочем, тоже, так что в этом смысле никакой принципиальной разницы между нами нет.

– Между «нами» – это между кем и кем?

– Между существами разной природы, скажем так. Если хотите посмотреть на меня боковым зрением, не стесняйтесь. Станет плохо, не беда, коньяк еще остался. И сигарету я вам найду.

Ох. То еще искушение. Продаться за глоток коньяка и сигарету. В смысле обменять на них остатки своего душевного равновесия. И последнюю надежду на то, что все-таки не сошел с ума, а просто...

Да ну, почему сразу «последнюю надежду»? С какого такого ума, кто сошел? Отставить панику. Просто померещилось что-то, со всеми бывает, отстань.

В глубине души понимал, что коньяк и сигарета – очень неплохая цена. Все равно ведь поглядел бы, как удержаться. Может быть, не прямо сейчас, а на прощание. Но поглядел бы непременно, потому что любопытство никто не отменял.

Пресловутое «боковое зрение» оказалось отличным способом галлюцинировать на халяву. То есть не принимая внутрь никаких специальных веществ. Вот и сейчас внезапно обнаружилось, что вместо коренастого блондина на лавке сидит великан.

Ну, то есть, как – великан. Всего втрое больше среднего человека, но этого обычно достаточно, чтобы произвести впечатление.

Кожа у великана была золотой, глаза – зелеными, в каждом блестело как минимум три зрачка. Может быть, больше, но уточнять не взялся бы: врожденный астигматизм, даже в относительно легкой форме может оказаться

серьезной проблемой при подсчете чужих зрачков.

На голове великана росли роскошные буйволиные рога, крупные даже для его габаритов. Ну или не росли, а были как-то к ней прикреплены. Надо же себя украшать перед выходом в город. Особенно если собираешься выпить кофе в кафе возле ратуши. В одиннадцать утра. Например.

В одной руках великан держал бубен из светлой кожи. Другой время от времени аккуратно по нему постукивал. Возможно, в этом постукивании был какой-то ритм, но чтобы его уловить, надо послушать подольше. А это довольно затруднительно, когда каждый удар отзывается у тебя в животе протяжным, сладким и одновременно тошнотворным эхом.

Хрен его знает, что было дальше. И было ли хоть какое-то «дальше». Потому что когда вынырнул из вязкой предобморочной тьмы, сделал торопливый огненный глоток из поспешно протянутой фляги, было не до воспоминаний о том, что случилось на дне этого провала.

А потом они, конечно, исчезли, не оставив даже намека на тень надежды когда-нибудь их вернуть. Так растворяются в едкой кислоте бытия самые сладкие предутренние сновидения. Только что были, и вот их уже нет. И это «нет» – навсегда.

Ладно, плевать.

– Я довольно безобидный с виду, – примирительно сказал блондин. – Немного великоват, но тут ничего не поделаешь. Зато похож на человека. И выгляжу вполне добродушно, сразу ясно, что я не собираюсь никого есть живьем, раздирая на куски. Для людей это обычно довольно важное обстоятельство.

Согласился:

– Есть у людей такая маленькая слабость. Чертовски приятно знать, что в ближайшее время тебя никто не съест.

За сговорчивость получил сигарету. Почему-то черную. Видимо, для пущего демонизма. Однако табак был неплох, и на том спасибо.

Впрочем, главное, что она вообще была.

Спросил после первой, самой жадной затяжки:

– Зачем это все? Дурацкое объявление, разговоры, мороки? Зачем смотреть на кого-то боковым зрением? Зачем видеть то, чего на самом деле нет? Чего вы от меня добиваетесь?

– Понимания, – серьезно сказал блондин. – И, в идеале, согласия на меня поработать. Но это на ваше усмотрение, силой не заставлю. Вы же видели, я добряк.

Ннннууу... Ладно, договорились. Запомним. Именно так и выглядят добряки: шестиметровые, с рогами и бубном. Предположим. О'кей.

Но вслух ничего не сказал. Просто сил не было на препирательства.

– Тут такое дело, – говорил великан. В смысле блондин. – В каждом человеческом поселении должны водиться чудовища. То есть существа нечеловеческой природы. Причем совершенно конкретное количество. Городу с полумиллионным населением, вроде нашего, полагается сорок три ночных чудовища и двадцать восемь дневных. Только не спрашивайте, почему такие строгости. Сам толком не знаю. Предполагаю, что просто для равновесия и заполнения некоторой пустоты. Факт, что такое правило существует, хотим мы того или нет. И оно работает. Это я вам как младший дух-хранитель города с четырехсотлетним стажем говорю.

Дух-хранитель, значит. Причем младший. Скромненько так. Приехали, поздравляю. Следующая станция – Желтый Дом.

Подумать-то все это подумал, но не встал и не ушел. Хотя силы уже вернулись. Бегом удрать вряд ли получилось бы, но быстрым шагом – вполне.

Однако с места не сдвинулся. Сидел. Слушал.

– С ночными чудовищами проблем у нас никогда не было, – говорил блондин. – Ночные чудовища жили тут всегда. Не знаю, от самого ли начала времен, но все вакансии были заняты задолго до момента моего вступления в должность, это факт. И по мере роста города своевременно подтягивались новые кадры. Сами приходили, точнее, возникали из тьмы. Ну так на то они и ночные. Ночь – самодостаточная стихия, сама всех, кого надо, породит, а тех, кто больше не нужен – поглотит. И все довольны.

– Включая поглощенных?

– Разумеется. Для них это все равно что в отпуск съездить. Домой.

Сказал:

– Вы сводите меня с ума.

– Отчасти это так, – спокойно согласился блондин. – Однако у вас остается возможность, расставшись со мной, сказать себе, что стали жертвой нелепого розыгрыша. Вероятно, при участии заезжего гипнотизера. И думать так до самого конца жизни вам никто не запретит. И даже не помешает. Я неназойлив. Этого требуют мои служебные инструкции, а я их чту свято. Если вы сейчас уйдете, не стану вас догонять. И караулить под подъездом не начну, и в окно в полночь влетать, и даже являться во сне, пытаюсь усюветить и переубедить, не буду. Хотя вы мне, чего греха таить, очень нужны.

Спросил:

– Для чего?

Хоть и понимал, что лучше бы сейчас не развивать эту тему. Чем быстрее закончится этот выморочный разговор, тем лучше. Целее будут остатки того, что еще три дня назад казалось вполне себе светлым разумом. Как я теперь без него.

Блондин обрадовался вопросу, как вампир, которого только что вежливо пригласили войти в дом. И принялся обстоятельно отвечать:

– В нашем городе сейчас всего двадцать четыре действующих дневных чудовища, причем семерых нашел и нанял я сам. Осталось еще четыре вакансии. И ни одного стоящего кандидата с начала прошлого года. К дневным чудовищам очень строгие требования. С одной стороны, ни в коем случае нельзя пугать людей, демонстрируя им ту часть бытия, которая должна быть от них сокрыта. По крайней мере, при дневном свете. С другой стороны, чудовище должно быть именно чудовищем, плотным и материальным, а не бледной тенью смутного воспоминания о себе. Поэтому на должность годятся только существа вроде синего демона, или, к примеру, вас. Временно занимающие человеческие тела, но при этом не полностью утратившие связь со своей подлинной природой. А это огромная редкость. Вашему брату нечасто приходит в голову отмочить что-то подобное. Разве что в ранней юности, лишившись опеки старших, по глупости или на спор... Впрочем, «на спор» – просто одна из разновидностей глупости.

Вздыхнул:

– Вам бы книжки писать.

– Да я бы с радостью. Но пока времени хватает только на рекламные объявления, на которые обычно откликаются студенты, всегда готовые заработать на пиво, попрыгав по улице в образе человека-здорового зуба, человека-летучей мыши, человека-соленого огурца. Ну или чудовища, какая им разница... Если бы я был способен впадать в отчаяние, уже давно бы впал. Но, к счастью, моя природа этому препятствует.

Подумал: «Мне бы твои заботы». Но вслух спросил:

– А почему бы не махнуть на все это рукой? Если уж, как вы сами говорите, существует некое правило? Если оно работает, значит недостающие чудовища сами рано или поздно найдутся. Я не прав?

– В том-то и дело, что правы, – кивнул блондин. – Именно в том и беда, что непременно сами найдутся. На пустующее место городского чудовища может прийти кто угодно. Откуда угодно. В любой момент. Вы даже не представляете, что это может быть. А я бы предпочел не помогать вашему воображению. Просто поверьте на слово, что нам здесь такого не надо. Собственно, почему я так хочу как можно скорей укомплектовать штат: очень устал каждый день отбиваться от незваных гостей. Не то что на личную жизнь, а даже на остальную работу

времени практически не остается. Притом, что, кроме меня, ее никто не сделает.

- А как же старший дух-хранитель?

Хотел, чтобы вопрос прозвучал ехидно, но интонация, вопреки его воле, получилась скорее озабоченная.

- Старший пока спит, - коротко ответил блондин. И, подумав, добавил: - Честно говоря, так лучше для всех.

Духи они там или нет, а отношение к начальству более чем понятное.

...- Ясно, что сейчас вам совершенно не хочется слушать, что я еще придумаю, чтобы заморочить вам голову, - сказал блондин. - Однако, согласно служебной инструкции, обязан сообщить, что, во-первых, у нас очень неплохие условия работы. От сотрудника требуется находиться на улице или в любых других общественных местах не меньше шести часов в день. В любую погоду - это, согласен, большой минус. Но в такой ситуации, поверьте моему опыту, очень выручают так называемые «общественные места». Всегда можно отсидеться в кафе или пройтись по магазинам. В вашем случае, гулять придется в светлое время суток, это очень важно. Зато точное расписание прогулок остается на ваше усмотрение. Как удобно, так и поступайте.

Невольно улыбнулся:

- Действительно, работа мечты.

- Есть один существенный минус: выходных не предусмотрено. Впрочем, раз в год можно взять отпуск - при условии, что вы научитесь осуществлять некоторые специальные обряды, необходимые для сохранения вашего места в неприкосновенности. Положа руку на сердце, довольно сложные, но до сих пор не было такого, чтобы кто-нибудь захотел и не смог научиться.

- А вот это уже звучит не очень заманчиво.

- Ничего не подделаешь, так есть. Не обманывать же вас в ходе еще не начавшихся переговоров. Зато оплата труда у нас щедрая. Как я уже говорил:

ровно столько, сколько необходимо, плюс еще немного.

- Минус штрафы за прогулы?

- Прогулов у нас не бывает, - отмахнулся блондин. - И не потому что я такой грозный начальник. По моим наблюдениям, никто из подписавших контракт просто не может усидеть дома. При всем желании. Тянет его на улицу, и хоть ты тресни. Мистика какая-то.

Про мистику - смешно.

- А если заболит?

- На такой работе особо не заболеешь. На моей памяти даже обычного насморка никто не подцепил. Можете считать это надбавкой к основной зарплате. Есть, впрочем, еще одна надбавка, самая важная - возможность познакомиться с собой.

- Это как?

- Ни один из тех, кого я нанимал на работу, до нашей встречи понятия не имел о том, кто он такой. Рождаясь в человеческом теле, мы забываем о себе, как спящий забывает о своей жизни наяву, а бодрствующий - самые сокровенные сны. Потому что жизнь человека и есть что-то вроде очень глубокого сна. И вспомнить себя, не просыпаясь - величайшая удача для всякого сновидца... Эй, что с вами?

- Ничего.

И не солгал. Но не в том смысле, что ничего не случилось. А в том, что внезапно случилось НИЧЕГО. Подошло очень близко, к самому краю сознания. Стояло, смотрело. И не пресловутым «боковым зрением», а открыто, прямо в глаза. И, кажется, собиралось протянуть руку и потрогать: «Это что у нас тут такое?»

А что будет с тем, к кому прикоснется НИЧЕГО, лучше бы никогда не знать.

...- По-моему, пора вас отпустить, – внезапно решил блондин. – Не удивляйтесь, если придете домой и проспите весь день. Обычное дело. Мое общество довольно утомительно, тут ничего не поделаешь. Думаю, это из-за бубна. Никто не слышит, как он звучит, но слух – далеко не единственный орган восприятия.

Ушам своим не поверил, но со скамейки немедленно встал. Заодно убедился, что ноги действительно в полном порядке.

В отличие от головы.

Хотел развернуться и уйти, но тут блондин сказал.

– Я, как и обещал, оставлю вас в покое. Ничем не стану о себе напоминать. А если вдруг все-таки приснюсь, имейте в виду: это просто работа вашего собственного мозга, перерабатывающего дневные впечатления. Бывают и такие бессмысленные, ничего не означающие сны, хоть и непросто в это поверить.

Надо же, какое откровение.

– Но, если что, – добавил он, – имейте в виду: каждый день, включая выходные, я пью кофе в кафе возле ратуши. В одиннадцать утра.

– А если кафе закроют?

Сам не знал, зачем спросил. Какая разница?

С другой стороны, лучше заранее знать, какое еще место, кроме Ратушной площади, теперь лучше обходить десятой дорогой. Или даже одиннадцатой. Чтобы уж точно никого нигде никогда случайно не застать.

– Еще лет шесть не закроют, – уверенно сказал блондин. – А к тому моменту рядом откроется два других, оба очень хорошие. Даже не знаю, какое выбрать; впрочем, этот вопрос еще какое-то время ждет.

Да уж. Кто бы спорил.

– Если будет желание, заходите, – предложил блондин. – Не обязательно устраиваться на работу. Можно просто поболтать. Иногда побыть рядом с тем, кто видит твою подлинную природу и принимает ее вместо того, чтобы инстинктивно шарахаться, большое облегчение. Вы же наверное думаете, что плохо сходитесь с людьми. И в любви вам не очень везет, верно? Привыкли обвинять во всем свой нелюдимый характер. А дело совсем не в нем.

Подумал: «Ну уж нет. Я – нелюдимый хмырь, это любому ясно. И в любви мне действительно просто не очень везет. Хотя пару раз складывалось совсем неплохо, особенно поначалу... Ай, ладно. Таких как я нелюдимых хмырей очень много, не все же они чудовища. Это было бы как-то слишком».

Но вслух ничего не сказал. Просто ушел.

Блондин сдержал слово, остался сидеть на скамейке, даже не попытался догонять. Какая же...

Нет, не «жалость», а «радость». Какая радость, что меня наконец-то оставили в покое, вот так надо формулировать. Что за херня творится у тебя в голове, мой бедный чокнутый я?

...По дороге ни разу, то есть, честно, вообще ни разу не попытался посмотреть боковым зрением на собственные отражения в зеркальных стеклах витрин. Хотя такая идея, конечно, приходила в голову. Но не как соблазн, а как самый страшный страх. Как в детстве, на трещину в асфальте наступить. Или пройти через «собачьи ворота». Или нарушить еще какое-нибудь страшное дворовое табу.

Дома, как и предсказывал рогатый великан, в смысле коренастый блондин, сразу упал и уснул. И проспал как убитый не до вечера даже, до четырех утра. Больше двенадцати часов – ничего себе рекорд.

Зато чувствовал себя отлично. Спокойным и умиротворенным. И самое главное, все увиденные, услышанные и сказанные за прошедший день глупости благополучно вылетели из головы. Ну, то есть, какие-то воспоминания остались. Но без особых подробностей.

Вот и хорошо. Быть психом совсем не так интересно, как кажется. Попробовал, не понравилось, больше не хочу.

И в зеркало смотреться пока не хочу. Мало ли что спросонок померещится, а мне с собой еще жить и жить.

То-то и оно.

Сварил себе много-много кофе, добавил в него много-много молока. С огромной кружкой и целой тарелкой бутербродов завалился на диван, прихватив с собой полдюжины детективов в мягких обложках. Чтобы если не пойдет один, сразу можно было цапнуть другой. И не вставать лишний раз, не проходить мимо большого зеркала, такого удобного, когда надо критически оглядеть себя перед выходом из дома. И совершенно не нужного во всех остальных случаях, больно уж выжидающе смотрит из его глубины одетый в новенькую с иголки домашнюю пижаму двойник. Дескать, не хочешь ли ты, дорогой друг, взглянуть на себя боковым зрением, как великан научил? Неужели не интересно? Как, совсем-совсем? Врешь.

Хоть скатертью его завешивай. Или простыней, как в доме покойника. Но повесить зеркало означало бы признать его настоящей серьезной проблемой. А этого делать совершенно не хотелось. По крайней мере, не прямо сейчас. Может быть потом, утром, когда рассветет, тело, щедро накормленное бутербродами, отяжелеет, а умиротворенный чтением детективов ум твердо скажет и пятнадцать раз повторит, что шарахаться от собственных зеркальных отражений – это совершенно нормально. И даже разумно – после всего, что нам пришлось сегодня пережить.

Четыре часа, шесть бутербродов и два с половиной детектива спустя пришлось все-таки встать и отправиться в туалет. И в душ заодно – если уж все так удачно совпало. Ум к тому времени был уже настолько умиротворен, что вообще ни черта не боялся. Можно сказать, обнаглел.

Подумал: «Дело выеденного яйца не стоит. Даже не на две трубки, как у Холмса, а на один взгляд. Сейчас посмотрю на себя в это чертово зеркало, не увижу ничего нового и успокоюсь навек. По крайней мере, перестану шарахаться

от собственной мебели в собственном же доме. Эх, заживу тогда!»

Вышел в холл, как был, завернутый в полотенце, повернулся к зеркалу боком и уставился прямо перед собой тяжелым немигающим взглядом человека, пытающегося сосредоточить внимание на самом краю доступного зрению мира. Чего тянуть.

Существо, которое увидел в зеркале, не было чудовищем в прямом смысле этого слова. То есть, его при всем желании сложно было назвать страшным. Длинное текучее тело, сотканное то ли из зеленоватого густого тумана, то ли из мутной воды, то ли из жидкого света, в лучах которого носятся мириады пылинок и пузырьков – что ни скажи, сравнение будет неверным и скорее уводящим от правды, чем приближающим к ней. Просто в человеческих языках нет подходящих слов для обозначения этой материи. И правильно, с какой бы стати придумывать специальное слово для явления, которого нет.

А потом вспомнил нужное слово: «кьёнгах».

Кьёнгах – так называется та разновидность чистого света Райны, которая нужна для рождения четырехсмысленного живого и не препятствует равномерному течению любых других форм материи.

Например, я – кьёнгах. То есть, нет, не так. Мы – кьёнгах. В нашем языке нет единственного числа для обозначения живого, оно годится только для неодушевленных предметов, потому что о множественности всякого сознания известно даже младенцам.

Мы был зеленым потоком кьёнгах и потом еще буду. Точнее, мы суть зеленый поток кьёнгах – вечно-всегда. В нашем языке только два грамматических времени: «кратко-всегда» и «вечно-всегда», первое подходит для разговоров о сиюминутном, второе – чтобы описывать воспоминания и намерения. Какая важная подробность, огромное счастье ее вспоминать!

Еще одно огромное счастье – вспоминать, что всегда (в данном случае «вечно-всегда») мы сию рядом с Суйён, и они с азартом и увлеченностью дилетанта разглагольствует о невозможности сохранения четырехсмысленного сознания в условиях абсолютного преобладания «тронг» – жесткой плотной материи,

препятствующей большинству живых потоков и практически всем чистым. О ее существовании, хвала чистому свету Райны, известно только теоретически. Сталкиваться с горькой непроницаемостью тронг еще и дома – это было бы чересчур.

Хотя в первый краткий (пережитый вне дома, а значит, не вечный) миг это даже интересно. И совсем не так страшно, как принято считать. Мы вечно-всегда прав!

Мы тогда был (вечно-всегда есть) совсем дурак, юный, вдохновенный и страстный. Который, будем честны, вообще понятия не имел о том, что такое тронг, но твердо знал, что сила высшего острия четырехсмысленного сознания безгранична. И выкрикнул, для убедительности вспыхнув по периметру ярким лиловым, как в детстве: «Вы кратко-всегда ошибаешься, глупый прекрасный Суйён, мы вам это доказываю вечно-всегда!»

И сейчас прошептал, зажмурившись от наслаждения: «Глупый прекрасный Суйён, мы кратко-всегда побеждаю тронг, вы вечно-всегда проигрываешь наш спор! С вас выпивка, готовься. Мы вечно-всегда, «скоро», как говорят опьяненные силой тронг, возвращаюсь домой».

И отвернулся от зеркала. Потому что слишком много радости, памяти и чистого света кьёнгх сразу – невыносимо. Себя надо принимать как лекарство, щадящими дозами. А то подействует как яд.

...Пошел в кухню. Залпом выпил стакан воды, сразу же налил второй и тоже выпил. Сказал почему-то вслух:

– Там, где я пройду, будет разливаться беспричинная пьяная радость, как будто подул ветер, принесший запах весны.

Прозвучало очень глупо, зато было правдой. Он это точно знал.

Посмотрел на часы. До одиннадцати еще два с половиной часа, до Ратушной площади минут пятнадцать пешком. Значит, что? Значит, правильно, можно успеть дочитать тот смешной детектив, выяснить, кто убийца, а потом уже с чистым сердцем отправляться в кафе.

Конечно, давал себе честное слово до Нового года не устраиваться ни на какую работу, ну так в шею никто и не гонит. А чашка дармового кофе ни одному чудовищу не повредит.

Глаза козы

Изредка приходили, вернее, мерещились козы, оливковая и зеленая, заглядывали в окно. Темный горизонтальный зрачок козьего глаза казался щелью какого-то диковинного автомата по продаже неведомо чего. Кинь монетку, узнаешь.

Монетки, впрочем, не нашлось. Так и не узнал.

Кроме коз тут не было никого. Дни тянулись невыносимо долго – жаркие, томительные, не заполненные ни событиями, ни переживаниями, ни даже рутинными делами, вообще ничем.

Сперва в доме были книги, они валялись повсюду, стопками и по одной. Пытался читать, но оказалось, что в отсутствие собственной истории чужие не развлекают, а только утомляют, и жара от них словно бы сгущается, хотя какая тут может быть связь. Кое-как пролистав пару дюжин почти одинаковых в своей бессмысленности романов, бросил эту затею. Несколько дней спустя книги исчезли, словно бы обидевшись на невнимание. Не сразу это заметил, но заметив, пожалел о пропаже. Не потому, что вдруг захотел почитать, просто сожаление оказалось довольно интенсивным чувством и привнесло в жизнь куда больше разнообразия, чем попытки занять себя чтением.

Всегда подозревал, что быть безумным скучно. Подтвердилось.

Больше всего не хватало воспоминаний. На них можно было бы опереться. И коротать время, перебирая их в уме, наверняка было бы интересней, чем просто разглядывать потолок, стены, пол, гладкие розовые ладони и аккуратные пальцы ног, слишком чистые для человека, который всегда ходит босиком.

«Человек, который ходит босиком» – это все, что он знал о себе наверняка. Даже лица своего не мог вообразить. Какое оно? Попытался разглядеть свои отражения в козьих глазах, но они были совсем уж крошечные.

Но, по крайней мере, понимание, что происходит, никуда не делось. Ничего не помнил, но откуда-то знал, что прежде у него была совсем другая жизнь, и потом снова будет – долгая, увлекательная, заполненная невообразимыми делами, радостями, бедами и любовью. А то, что происходит сейчас – просто игра. Похоже, довольно глупая. Интересно, зачем я в нее играю? Почему согласился? Это такая традиция? Обряд инициации? Тайное запретное удовольствие для узкого круга избранных? Способ заработать? Или просто повальная мода? Этому тоже не помнил. Просто теоретически рассуждал, что могут быть разные варианты.

Откуда взялась информация, необходимая, чтобы сочинить все эти версии, отдельный вопрос. И он, конечно, оставался без ответа.

Дом был абсолютно пуст. Спать приходилось на полу; впрочем, было довольно мягко. Похоже, пол только казался полом, а на самом деле являлся чем-то другим. Диваном? Надувным матрасом? Облаком? А кстати смешно, если действительно облаком. Тогда это означает, что я – ангел. Причем даже не падший, а просто потерявший сознание там у себя на облаках. Вопрос: почему мне до сих пор не брызнули в лицо каким-нибудь веселым летним дождем, или какие там у нас бывают лекарства? Иногда даже бормотал вслух: «Ну давайте же, приводите меня в чувство! Должен быть способ. Думайте, думайте!» Но вместо этого думал сам: «Интересно, откуда я знаю про ангелов? И про облака? И про диваны с надувными матрасами? Здесь всего этого нет».

Не было в доме ни стола, ни стульев, ни шкафа, ни вещей, которые в этом шкафу можно было бы хранить. На нем, впрочем, была какая-то одежда. Носил ее, не снимая, стараясь не думать о том, как, должно быть, она пахнет потом. Сам, впрочем, не чувствовал ни неприятного запаха, ни зуда, ни каких-то иных неудобств. Что отчасти даже жаль – поиски возможности помыться и постирать одежду могли бы помочь скоротать время. Но таких поблажек, надо понимать, не полагалось.

Все это, впрочем, ерунда. Что действительно плохо – в доме не было лестниц. И даже порог находился на одном уровне с землей. А вокруг – бескрайняя степь, ровная, как поднос, на котором подают Господу утренний кофе.

Кофе здесь не было тоже. Не то чтобы хотел его выпить, но смутно помнил, что это такое. Воспоминания не были чувственными, просто набор фактов: кофе – это ароматный бодрящий напиток темно-коричневого цвета, который я люблю.

Знать бы еще, кто такой у нас «я».

...Что такое «я», даже не пытался разобраться. Никогда не любил тщетных усилий. Зато пытался разобраться с лестницами, вернее с их отсутствием. Потому что помнил правило: нужно спуститься еще на одну ступеньку. Тогда начнется новый этап игры. Возможно, он будет интересней текущего. Да практически гарантировано. Хуже, чем сейчас, вполне может стать, а вот скучнее – это надо очень постараться.

Все чаще жалел о пропаже книг: из них можно было бы построить лестницу. Как жаль, что эта идея не пришла в голову, пока книги валялись повсюду. Может быть, они были единственным шансом, и сообразить следовало вовремя? Упражнение на скорость? Плохо дело, если так.

Однажды смотрел в окно на снова примерещившихся коз, оливковую и зеленую, и вдруг понял, что у окон есть подоконники. И если залезть на подоконник, можно сделать шаг вниз, то есть, на пол или на землю, это наверное все равно. Чем не ступенька? Господи боже, да конечно, это она! Всегда была под носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maks-fray/o-lyubvi-i-smerti-sbornik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)